

Грех физиков заключается в том, что они не могут утратить свои знания. Когда ученый видит нечто, кажущееся ему техническим открытием, он хватается за это «нечто», осуществляет его и только после этого думает о том, какое применение найдет открытие, это происходит после того, как сделано открытие.

Роберт Оппенгеймер

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БЕЗОБЛАЧНОЕ

ДЕТСТВО

В десять или двенадцать лет у меня было три занятия — минералы, поэзия и чтение, а также архитектура.

Роберт Оппенгеймер

Джулиус Роберт Оппенгеймер родился 22 апреля 1904 года в Нью-Йорке в семье эмигранта, приехавшего в Соединенные Штаты в 1888 году из немецкого городка Ханау, входившего тогда в состав Германской империи. В отличие от большинства эмигрантов, семнадцатилетний Джулиус Селигманн Оппенгеймер сразу же по приезде получил хорошую работу в текстильной компании *Rothfeld, Stern & Co*, принадлежавшей двоюродным братьям его отца. В 1903 году Джулиус-старший стал партнером и женился на высокой голубоглазой красавице Элле Фридман. Физический недостаток — врожденное отсутствие большого и указательного пальцев на правой руке — не препятствовал занятиям живописью, которые Элла совмещала с преподаванием в Барнардском женском колледже. Союз делового человека и утонченной интеллектуалки оказался успешным. Джулиус получил в жены «настоящую леди» (в отличие от англичан, американцы произносят это словосо-

четание с оттенком иронии), а Элла обрела финансовую стабильность, которой ей недоставало после смерти отца-предпринимателя.

Свадебную церемонию, состоявшуюся 23 марта 1903 года, провел лидер Общества этической культуры Феликс Адлер. Это обстоятельство, имеющее очень большое значение для понимания той обстановки, в которой вырос будущий Отец Атомной Бомбы», требует разъяснения. Джулиус и Элла были немецкими евреями, разница между ними заключалась лишь в том, что Элла родилась в Соединенных Штатах. Оба они были приверженцами хаскалы¹ — интеграционного движения, возникшего среди европейских евреев во второй половине XVIII века. Сторонники хаскалы выступали против культурно-религиозной обособленности еврейских общин и видели своим идеалом полное стирание границ между евреями и теми народами, среди которых они проживали. Но если в культурной сфере границы могли стираться довольно быстро, особенно в том гигантском «плавильном котле», который представляли собой Соединенные Штаты, то в религиозной сфере этот процесс шел крайне медленно. Отошедшие от иудаизма евреи не спешили принимать иную веру, а соз-

¹ В переводе — *просвещение*. — Здесь и далее примечания сделаны переводчиком.

давали свои светские общественные организации, одной из которых было нью-йоркское Общество этической культуры, созданное философом Феликсом Адлером. «Мы выступаем за полный отказ от молитв и любых иных проявлений ритуала, — объяснял Адлер. — Различные убеждения при единстве действий — вот наша практическая религия... готовая принять и верующих, и неверующих».

Если в Европе к концу XIX века хаскала начала терять популярность (в первую очередь, из-за всплеска антисемитизма), то в Соединенных Штатах интеграционно-ассимиляторские идеи расцвели пышным цветом, особенно в верхних слоях еврейского общества. «Мы не евреи, а американцы», — как бы сказали миру Джулиус-старший и Элла, поручив проведение свадебной церемонии Адлеру. Семья, в которой родился Роберт Оппенгеймер, была далека от еврейских традиций, и нашему герою напоминала о его происхождении только фамилия. Кстати, свое первое имя — Джулиус — он не любил, предпочитая, чтобы его называли Робертом. Иной раз на вопрос: «Что означает буква “J” в вашем имени?» Джулиус Роберт Оппенгеймер мог ответить: «Не знаю».

На момент рождения Роберта его матери шел тридцать шестой год. По меркам того времени Элла вышла замуж и родила первенца очень

поздно. У других женщин в таком возрасте уже появлялись внуки. Можно представить, какую радость испытывала она при мысли, что у нее наконец-то есть семья и ребенок.

По складу характера Элла была перфекционисткой (возможно, что именно в этом, а не в физическом недостатке, крылась причина столь позднего замужества) и ей хотелось, чтобы ее первенец рос в идеальной среде, благо финансовые возможности это позволяли. Роберта окружали материнская любовь и забота нянек и горничных. Идеальное детство в уютном благополучном мире, в который из внешнего мира не проникало ничего плохого... «В детстве я не был подготовлен к тому, что в мире существуют жестокость и зло», — сказал однажды Оппенгеймер. Мать он обожал, а к отцу относился, мягко говоря, неоднозначно. Во-первых, Джулиус-старший при всех своих стараниях не дотягивал до уровня своей супруги. Вряд ли его можно было бы назвать вульгарным, но элегантным он не был однозначно, да и воспитание хромало: нет-нет да проявлялся под лощеной маской сын «неудачливого мелкого торговца из средневековой немецкой деревни» (именно так отзывался о своем деде по отцу Роберт). Герберт Уинслоу Смит, школьный преподаватель Роберта, ставший его другом, объяснял натянутые отношения нашего героя с отцом эдиповым комплексом

и «вульгарностью делового человека», оказывавшей на Роберта угнетающее действие. Безупречный человек хотел жить в безупречном окружении, из которого Джулиус-старший, к сожалению, выпадал. Разумеется, сыграло свою роль и то, что занятого бизнесом отца ребенок видел гораздо реже, чем мать. Судя по всему, Элла не смогла стать сыну другом, но образцом для подражания она была безусловно. Одна из одноклассниц Оппенгеймера вспоминала, что, когда он говорил о матери, его глаза «горели».

Летом 1909 года Джулиус с семьей побывал на родине, где пятилетний Роберт познакомился со своим дедом Бенджаменом Оппенгеймером и получил от него два ценных подарка — энциклопедию архитектуры и коллекцию минералов. Подарки подталкивают к двум выводам: «мелкий торговец из средневековой немецкой деревни» был весьма образованным человеком (что, в общем-то, не редкость среди еврейских лавочников), а его внук был неординарным ребенком, заслуживающим столь взрослых подарков. По признанию самого Роберта, коллекционирование минералов, архитектура и чтение были главными занятиями его детства. Ну а чем еще заниматься ребенку, встречавшемуся со сверстниками только в воскресной школе Общества этической культуры?

В семилетнем возрасте Роберт начал учиться в начальной школе Общества, куда его приняли сразу во второй класс. Выбор был predetermined. Во-первых, тем, что образование здесь давалось превосходное, а, во-вторых, «новым американским евреям» особенно-то и некуда было податься. Религиозные иудейские школы им не подходили, а в нееврейских американских школах того времени можно было запросто столкнуться с антисемитизмом. И не только в школах. Так, например, президент Гарвардского университета Эббот Лоуренс Лоуэлл в 1922 году пытался ввести квоту на поступление евреев, мотивируя такой шаг... ростом антисемитизма среди студентов. Логика Лоуэлла была следующей — антисемитизм в студенческой среде возрастает с увеличением числа студентов-евреев, если таковых будет мало, то антисемитизм сойдет на нет. Несмотря на все старания Лоуэлла, квоту официально ввести не удалось, но ему удалось принять такие ограничительные меры, как квотирование стипендий по национальному признаку или же возможность отказа абитуриентам в приеме без объяснения причин.

Если обобщить воспоминания одноклассников о Роберте, то картина будет такой: умный, застенчивый, неловкий мальчик, плохо ладивший со сверстниками. Коммуникативные навыки начинают закладываться в раннем детстве,

а за пару часов пребывания в воскресной школе вряд ли можно научиться находить общий язык со сверстниками. Ребенок, которым дома все восхищаются, ожидал чего-то подобного и в школе, но там его разносторонние познания, почерпнутые из книг, не вызвали восторга. Одноклассников раздражала демонстрация интеллектуального превосходства, а педагогам было трудно учить мальчика, значительно опережавшего своих сверстников в развитии. Вот пример того, насколько значительным было это опережение. Двенадцатилетний Роберт вступил в переписку с членами Нью-Йоркского минералогического клуба, которые предложили ему выступить с докладом и были очень удивлены, когда узнали о возрасте мистера Оппенгеймера.

Когда началась Первая мировая война, Роберту было десять лет. Возросший спрос на военную форму (пока еще в Европе, Соединенные Штаты вступили в войну только в 1917 году) дал Джулиусу Оппенгеймеру возможность хорошо зарабатывать на продаже подкладочных материй, и он приобрел большой загородный дом на Лонг-Айленде и парусную яхту.

В 1917 году Роберт перешел в среднюю школу, где познакомился с уже упоминавшимся выше Гербертом Уинслоу Смитом, преподававшим в Школе этической культуры английский язык. Смита заинтересовал эрудированный юный по-

эт (хотя, скажем прямо, задатков второго Уитмена² у Роберта не было), а ученик потянулся к учителю, который держался с ним просто и вообще не был похож на других преподавателей.

Детство для него закончилось летом 1918 года в летнем лагере для мальчиков на острове Гриндстоун, расположенном на реке Святого Лаврентия близ озера Онтарио. С первых же дней пребывания в лагере Роберта начали травить за его «девчоночьи привычки»: он ежедневно писал домой и не скрывал свою любовь к поэзии, совершенно несвойственную большинству тринадцати-четырнадцатилетних мальчиков. Возможно, все обошлось бы малой кровью, ибо к издевательствам со стороны сверстников Роберту было не привыкать, но он сам невольно подлил масла в огонь. Родители интересовались, как у их сына складываются отношения с другими мальчиками (это был животрепещущий вопрос), и он вдохновенно сочинял подробности, которые должны были их успокоить. Желая подчеркнуть степень близости со сверстниками, он написал в одном из писем, что кто-то из старших говорил с ним о сексе. И тогда Джулиус Оппенгеймер поступил наихудшим образом. Он приехал в лагерь и устроил дирек-

² Уолт Уитмен (1819–1892) — выдающийся американский поэт.

тору скандал по поводу творящегося здесь «разгула непристойностей». Директор пригрозил ученикам «десятью казнями»³, а те решили наказать ябедника. И наказали его очень жестоко. В один из вечеров Роберта схватили, привели в ледник, где раздели донага, затем вымазали его ниже пояса зеленой краской, привязали к брускам и оставили в таком состоянии до утра. Примечательно, что Роберт не стал сообщать родителям о происшедшем, а предпочел остаться в лагере до конца срока. На первый взгляд это может показаться удивительным, но на самом деле ничего удивительного здесь нет. Отец критиковал Роберта за неумение ладить со сверстниками, причем делал это в довольно резкой форме (потому-то Роберт и врал в письмах о дружбе с другими мальчиками). «Алмаз резал алмаз»⁴ — отец был недоволен неприспособленным к жизни сыном, а сын стеснялся своего вульгарного отца. Мать играла роль буфера и примирителя.

³ Имеются в виду десять казней, насланных Богом на Египет за отказ фараона освободить поработенных сынов Израилевых. В переносном смысле выражение «десять казней» означает строгое наказание.

⁴ Английское выражение, аналогичное по смыслу русскому: «нашла коса на камень».